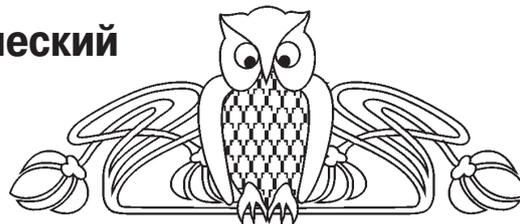

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 90–93
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 90–93

Научная статья
УДК 821.161.1.09-4+929[Солженицын+Чехов]
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

Диалог с классиком как метапоэтический принцип А. И. Солженицына («Окунаясь в Чехова»)

Г. М. Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Аннотация. В статье проанализирован один из метапоэтических принципов А. И. Солженицына – «диалог с классиком». В очерке «Окунаясь в Чехова» Солженицын передает радость эстетических открытий от соприкосновения с Чеховым, вступает с ним в диалог, спорит с чеховским взглядом на мир. При этом читателю открывается и «творческая лаборатория» самого Солженицына.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, А. П. Чехов, «Литературная коллекция», «творческая лаборатория» писателя, метапоэтика

Для цитирования: Алтынбаева Г. М. Диалог с классиком как метапоэтический принцип А. И. Солженицына («Окунаясь в Чехова») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 90–93. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

The dialogue with the classic writer as A. I. Solzhenitsyn's metapoetic principle (*Immersing into Chekhov*)

Gulnara M. Altynbaeva, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. In this article one of the metapoetic principles of A. I. Solzhenitsyn is analyzed – ‘a dialogue with a classic writer’. In his sketch *Immersing into Chekhov* Solzhenitsyn renders the pleasure of aesthetic insights from the encounters with Chekhov, enters into a conversation with him, argues with Chekhov's world outlook. Thereby Solzhenitsyn's own ‘creative lab’ is revealed to the reader.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, A. P. Chekhov, *The Literary Collection*, the writer's ‘creative laboratory’, metapoetics

For citation: Altynbaeva G. M. The dialogue with the classic writer as A. I. Solzhenitsyn's metapoetic principle (*Immersing into Chekhov*). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 90–93 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«Если бы чеховским интеллигентам, всё гдавшим, что будет через двадцать – тридцать – сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, <...> – ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом»¹. Так размышляет А. И. Солженицын в начале «Архипелага ГУЛАГ».

И таких отсылок к Чехову в «опыте художественного исследования» много. Почему именно Чехов становится важным собеседником Солженицына при написании истории советской тюремно-лагерной системы?

Да, нам известны слова Александра Исавича о том, что Чехова он считает своим главным учителем в «сжатости письма». К. И. Чуковский в письме А. И. Солженицыну называет его «достойным продолжателем» Чехова². Но «Архипелаг ГУЛАГ» подводит нас к мысли и о личностных причинах диалога с Чеховым, а не только чисто художественных. Здесь решающей является мировоззренческая высота Чехова, его высокая нравственная позиция. Показательно рассуждение Солженицына о повести «В овраге»: «Душевная чистота Чехова в том, что через это овражное зло ступает у него столько правед-

ных людей – чистота нужна и чтоб увидеть их, и показать их нам так уверенно (здесь и далее курсив наш. – Г. А.)»³.

Вступая в диалог с классиками русской литературы, Солженицын ищет, на каких путях «искусство, литература могут на деле помочь сегодняшнему миру»⁴. Один из первых опытов – разбор «Горе от ума» Грибоедова (1954)⁵. Делает это Солженицын «протеревши глаза». С 1984 по 2005 г. пишется «Литературная коллекция», среди нескольких десятков очерков о русских писателях есть двадцатистраничные заметки Солженицына о прозе Чехова, дополняющие давний разговор.

Исследуя все сейчас опубликованные очерки «Литературной коллекции», мы обратили внимание, что в каждом из них Солженицын присутствует один на один с интересующим его автором, и нет никаких внешних влияний, никакой цензуры, кроме внутренней. И именно эта «внутренняя цензура», установленная А. И. Солженицыным над самим собой, определяет всю строгость, всю серьёзность размышлений писателя «на полях» «чужого» письма.

В предисловии к «Литературной коллекции» Солженицын обращается к читателю со словами: «...это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому»⁶.

Название заметок о Чехове отражает, на наш взгляд, и путь, и смысл солженицынского взгляда – «окунаясь в Чехова». По новомирской истории печатания «Одного дня Ивана Денисовича» известна принципиальная позиция Солженицына относительно названия произведения: «Верно найденное название книги, даже рассказа, – никак не случайно, оно есть – часть души и сути, оно сроднено»⁷. «Окунаясь в Чехова», Солженицын, в первую очередь, передает радость эстетических открытий, радость от соприкосновения с самой личностью автора. В этом видится форма дружеской беседы двух близких по взглядам писателей.

Неоднократно восхищается «непринуждённым чеховским талантом» – «что видит – он видит и передаёт нам ярко» (175). Повторяются такие оценки: «великолепно», «замечательно», «прелестно», «метко», «высочайшего класса», «музыка» и др.

Бывший зэк Солженицын не мог пропустить и истории Чехова о русской каторге и каторжниках. «Просто поразительно, как Чехов так переимчиво и полно воспринял и передал мироощущение вечного зэка, вечного ссыльного, семикаторжного (отличное слово)» (курсив автора. – Г. А.) (173). Даже фрагмент из рассказа «В ссылке» о «победе жизнелюбия» зэка приводится и в «Архипелаге ГУЛАГ», и очерке «Литературной коллекции», потому что, по мнению Солженицына, «читатель больше поверит в эту парадоксальную черту, если мы процитируем

Чехова. <...> (и только удивляемся, где их мог подцепить А. П. Чехов?)»⁸.

На наш взгляд, больше всего Солженицыну – борцу за сбережение русского народа – импонирует изображение Чеховым «народного русского типа» и русской жизни, порой уникальное: «...и ведь так же многотипно в нашем народе» (161), «какая глубина вполне крестьянского понимания мира» (168). Есть и народное чувство, и русский народный разговор, хотя зачастую без народной лексики.

Высоко ценя достижения Чехова-писателя и мыслителя, Солженицын решается высказать ему свои замечания. Солженицын вступает в диалог-обсуждение с Чеховым, выдвигая свое видение, «насколько он свою задачу выполнил». Маркером такого диалога выступает сослагательное наклонение: «Без объяснений этот диалог двух горь – настолько *был бы* сильнее» (172), «И – хватило *бы* на том, на этом *бы* можно и кончить образ» (174) и др.

Самой частой формой диалога с классиком становится спор. Свое понимание творческого процесса и свой взгляд на мир Солженицын соотносит с очевидно хорошо ему известной позицией Чехова по этим же вопросам, и тогда речь Солженицына переходит в дискуссию и в полемику, в меньшей степени – в диспут.

А. И. Солженицын шел за Чеховым, но окупившись в реальность «безнравственного» XX века, понял, что чеховский чистый взгляд бесперспективен, поэтому и читателя он предупреждает от ошибок доверия. Вспоминаются слова из третьей части «Архипелага ГУЛАГ»: «Сейчас-то бывших зэков да даже и просто людей 60-х годов рассказом о Соловках, может быть, и не удивишь. Но пусть читатель вообразит себя *человеком чеховской и послечеховской России*, <...> привыкшим к принятым у людей пище, одежде, взаимному словесному обращению, – и вот тогда да вступит он в ворота Соловков»⁹.

Пытается объяснить чеховскую недостаточность Солженицын и вместе с В. Т. Шаламовым: во время одной из встреч двух писателей возник разговор о Чехове как писателе, потенциально склонном к большой эпической форме. По мнению Шаламова, «Чехов всю жизнь хотел и не мог, не умел написать роман. <...>. Это потому, что Чехов умел писать только не отрываясь, а безотрывно можно написать только рассказ, а не роман»¹⁰. Солженицын же подчеркивает, что «в Чехове не было *устремления ввысь*, что обязательно для романиста», у Чехова отсутствовали «*ведущие мысли*». О том же он говорит и в очерке «Литературной коллекции». Так в диалоге двух прозаиков прозвучала мысль о неотъемлемой связи идейного содержания и формы художественного произведения в литературе XX в.

Солженицын, следуя принципу «жить не по лжи», поддерживает чеховскую смелость, остается верен чеховскому человеколюбию и при

этом не может принять чеховский взгляд на мир: «...очень по-чеховски – неразрешимость, несобытийность, недо-, недо-...» (167).

И более всего чуждо Солженицыну, когда чеховское равнодушие к судьбе человека переходит в «неразборное “чеховское” нытьё»: «...с таким ощущением – и правда завоешь, даже и сорока лет не проживёшь» (177). Солженицыну не нравится стремление Чехова к зачастую ненужным объяснениям, но в то же время он и защищает классика от штампа «интеллигентский» писатель (162). В конце заметок он даже восклицает: «Это неверно, что Чехов – певец интеллигенции» (182).

Чтение заметок о Чехове убеждает нас в том, что, обращаясь к Чехову («Сколько же заложено в нём этого тихого влечения – в образованный век» (170)), Солженицын обращается и ко всему его поколению, жившему на переломе эпох: «как тогда виделось Чехову, да всей интеллигенции» (175). Солженицын, очевидно, и в себе чувствует чеховское восприятие мира, с этим живет, принимая и частично оправдывая его, с этим же и спорит прошедший ГУЛАГ продолжатель чеховской традиции, не соглашаясь с классиком, преодолевая сам и побуждая читателя к переосмыслению так импонирующего современникам чеховского гуманного мировоззрения.

Особенность эстетики А. И. Солженицына заключается в единстве эстетической и этической позиций. Это объясняет важность для него человечности Чехова, и показать это читателю «Литературной коллекции» – одна из задач автора «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного Колеса».

Диалог с классиком – важный метапоэтический принцип Солженицына. Это диалог двух мировоззрений посредством литературы, в поле литературы. Именно в этом ключе и возникают споры с Чеховым об образе и судьбе русского народа и чеховских оценках еврейства, диалоги через Чехова с интеллигенцией и дискуссия о ее беспомощности перед ударами времени, полемика о «языковом расширении» («Очень жаль, что он пренебрегал и народной лексикой, и звуковой и ритмической стороной» (178)).

Солженицын называет Чехова «здоровым тружеником-созидателем» (172) и в то же время выделяет в чеховских текстах «несвойственные Чехову» приемы: «длинное описание наружностей» (172), «прямая сатиричность, издёвка. Утрировка» (172).

Строгое, субъективное отношение Солженицына к Чехову имеет основания – ведь много раз мнение классика по разным вопросам оказывалось парадоксально применимо и к будущему для него XX в.: «Хотя наблюдения Чехова ни с какой стороны не относятся к нашему случаю, однако они поражают нас своей верностью»¹¹, «есть в этом – и как пророчество» (174).

В то же время, читая заметки Солженицына, слушая его диалоги с классиками, мы в значительной степени открываем для себя не его

собеседника-писателя, а самого Солженицына. Перед нами «творческая лаборатория», дающая «возможность глубже постигнуть эстетические позиции и собственное творчество»¹² Александра Исаевича Солженицына, это «почти прямой или опосредованный диалог писателя с самим собой»¹³, так как собеседник его – Чехов, которого любит, которым восхищается, которого понимает, с которым имеет смелость и право спорить, потому что видит в нем себя.

Именно в таком диалоге с классиком видится важный метапоэтический принцип Солженицына. В основе его – близкие Солженицыну слова из письма Гете Шиллеру и потому вынесенные им в качестве эпиграфа к будущему полному изданию «Литературной коллекции»: «...говорить с неким любовным участием, с определенным пристрастным энтузиазмом»¹⁴. Пристрастие, смелость, любовь – вот «истина, добро и красота» солженицынской метапоэтики. В этой связи А. И. Солженицын очень важно, что А. П. Чехов с его нормальным сознанием именно в художественной литературе смог отразить свое восприятие России на рубеже. Перелом эпохи вынуждал к новым «поискам реальности» (Л. Я. Гинзбург) и языков ее выражения. Солженицын, проходя испытание XX веком, «волевым упором» (Н. Струве) раздвигает границы литературы, действительно соединяет в своем слове документ, поэзию, пророчество, поскольку уверен, что «слово разрушит бетон» («Нобелевская лекция»).

Примечания

- 1 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 4. Архипелаг ГУЛАГ : Опыт художественного исследования. Части I–II. М. : Время, 2010. С. 99.
- 2 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Чуковской : К. И. Чуковский – А. И. Солженицыну (12 марта 1963 г., Переделкино) // Новый мир. 2011. № 10. С. 137.
- 3 Солженицын А. Из «Литературной коллекции» : Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 181. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 4 Солженицын А. Нобелевская лекция // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М. : ТЕРРА, 2001. С. 20.
- 5 См.: Солженицын А. Протеревши глаза («Горе от ума» глазами зэка) // Солженицын А. Протеревши глаза : сб. М. : Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. С. 344–365.
- 6 Солженицын А. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.
- 7 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 28. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М. : Время, 2018. С. 96.
- 8 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ : Опыт художественного исследования. Части III–IV. М. : Время, 2010. С. 420.
- 9 Там же. С. 29.

- ¹⁰ Шаламов В. Воспоминания. М. : Олимп ; Астрель ; АСТ, 2001. С. 373.
- ¹¹ Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. С. 421–422.
- ¹² Машицкий С. Слово и время. М. : Советский писатель, 1975. С. 300.
- ¹³ Стадников Г. О специфике писательской литературной критики // Зарубежная литературная критика. Вопросы теории и истории : межвуз. сб. науч. тр. Л. : ЛГПИ, 1985. С. 18.
- ¹⁴ Гете И.-В., Шиллер Ф. Переписка : в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. А. Аникста ; пер. с нем. и коммент. И. Бабанова. М. : Искусство, 1988. С. 186–187.

Поступила в редакцию 07.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 07.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020